

Уже в конце XIV века «стригольщики», выразители демократического протеста мелкобуржуазных городских слоев Новгорода и Пскова, пришли к неслыханно смелым заключениям: «..... еще же въ животѣ своемъ уразумѣлъ то, — с глубоким возмущением писал в 1386 г. Стефан Пермский (?) о Карпе «стригольнике» — оже тѣло его не будетъ погребенно со псалмы и пѣснями, якоже и всякого хрестьянина, того дѣля почал людемъ глаголати: «не достоитъ де надъ мрѣтвыми пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приприсити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыи давати за душу умершаго.....».¹

Правда, эти радикальные попытки критически пересмотреть «догмат» о церковном поминовении усопших потерпели полную неудачу: церковь усмотрела в них покушение на основы христианского вероучения, и на этом основании предала вольнодумцев проклятию, осудив их как злостных еретиков.²

Тем не менее взгляды, осуждающие вклады по душе не исчезли, а, напротив, получили распространение даже в среде крушой новгородской буржуазии, смущенной ростом экономической силы духовных землевладельцев.

Последнее обстоятельство необычайно встревожило даже высшие московские церковные власти, которые решили парализовать неудобные разговоры новгородских правителей «слезными» увещаниями и «пастырскими» обличениями. Характерным образцом такого пастырского обличения может служить знаменитое послание митрополита Филиппа к новгородскому архиепископу Ионе и новгородцам от 8 апреля 1467 г. «... нѣкоторые посадници и тысячцики, да и отъ Новгородцевъ мнози, — писал Филипп — въставляють пѣкая тщетная словеса, мудръствующе себѣ плотская, а не душевная, и яко забывше божия страха и казни его, и нещюя ничтоже, ни поминающе скорѣбныхъ и печальных, еже имъ бывших во время се, мнящеса сами, яко безсмертни суще, да хотять грубость чинити святѣй божией церкви и грабити святыя церкви и монастыри; имже си кто стяжанисмъ бѣдную свою душу хотячи искупити отъ вѣчнаго онога мучения, да отдавалъ свое любострастное имѣние и села святымъ божиимъ церквамъ

¹ Пам. др.-рус. канон. права, I² СПб., 1908, с. 224.

² Конец «стригольщиков» не был концом «ереси». Напомню, что еще в 1427 г. митрополит Фотий в двух посланиях убеждал псковичей избегать общения с еретиками (стригольниками) (Пам. др.-рус. канон. права, с. 475 — 488), а в 1490 г. архиепископ Геннадий жаловался митрополиту Зосиме и собору епископов на некоего чернеца Захара «стригольника» (Пам. др.-рус. канон. права, с. 777 и 779 — 780).